

ОДЕТЫЙ В ЖИЗНЬ

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Одетый в жизнь ОДЕТЫЙ В ЖИЗНЬ / Стихи

Я тоже божья аскарида
часть речи в смертном падеже
и мне закатная коррида
в смогучем небе по душе

пускай стезя моя убога
мне и такая дорога
глядеть как ночи у порога
тьма точит месяцу рога

одетый в жизнь но в смерть обутий
с пучком гербария в торбе
в такие долгие минуты
я очень мыслю о тебе

о том как выпало прощаться
в пылу любительской возни
сполна познав науку счастья
от боже мой до черт возьми

с тех пор прошло немало буден
но так же память горяча
когда я мучаю свой бубен
о чем-то вечном бормоча

затем я муз целую в обе
и призываю меж людьми
склонять любовь любви любви
любовь любовью о любви

* * *

сны пронзительней к утру

явь несносней к ночи
перед чьи когда умру
я предстану очи

голова моя слаба
больно ей на свете
петь прекрасные слова
о любви и смерти

справа непогодь шумит
стол рабочий слева
сердце тщетное шалит
и стучит несмело

остановится оно
и гуд бай планета
все что было мне дано
похоронит лета

закопают не с тобой
но дождись однако
я цветком или травой
возвращусь обратно

* * *

Так ежедневная пчела
расточает отпущенный ей век:
отпорхав за пыльцой и дожужжав до улья,
чтобы, наконец, уснуть и хоть на миг
забыться от хорального гула
болтливых соплеменников.
А уснуть — не выходит.
И спасает лишь надежда
на окончательную спячку, приближающуюся
к труженице хоботка и медового зобика
на скорости, равной той, с которой
звнящие крылья несут ее полосатое тело
от одного цветка к другому.

Так и я – печальный пчеловек
свой трачу на черт-те что. Слова, слова, слова –
эти леденцы смысла
за небритой щекой вдохновения,
вещающие городу и миру
обо мне и обреченном пчеловечестве,
о том, как мы
с рождения заражены болезнью,
которой нет ни подходящего названия,
ни действенного противоядия.
Но, что бы ни скрывалось
за плотными шторами будущности,
все равно – когда бесчувственная рука времени
раздвинет их, имяреку, глядящему
в пыльное окно истории
будет видно нас, лежащих на земле, –
вернее, не нас, а тех,
кто уже навеки свyksя с мыслью
о том, что уходить надлежит поодиночке.

И только улыбки никогда не опустеют.

* * *

отхлебнуть не горилки но горя
норовить не реветь по ночам
и отравленной памяти вторя
предаваться невнятным речам

засыпать в переулки ташкента
там где ливня бушует вода
сновидения крутится лента
не будите меня никогда

но проснешься томиться и бегать
бриться тщательно думать уже
через час тебя встречу обедать
будет праздник и траур в душе

наблюдатель улыбки заветной
не умея ничуть подражать
вытру морду казенной салфеткой
и оденусь тебя провожать

пожелать бесподобных венчаний
и за счастье спасибо храня
на неделе приду за вещами
обними на прощанье меня

вот и все что осталось пока что
головы кроме боли внутри
чтобы жить как по ветке букашка
к неизвестному свету в пути

* * *

Покуда верх неверным светом пышет,
я есть вон тот поспешный человек,
следов чей почерк шаркает и пишет
в сырой листвы толстовский черновик.

Люба нутру существовать халтура,
когда кругом такая благодать:
бетон пейзажа, гор архитектура,
деревьев терракотовая рать.

Гонцы от Каскелена Капшагаю¹ —
стремглав на юг сквозь ветви облака,
Шагалом под которыми шагаю,
мгновенный сын вселенского полка.

Мне бытие понятно без ста грамма:
от желтоксана и до караши²
летят года, лишённые стоп-крана.
Все хорошо и все мы хороши.

Отброс коньков у всех кто докатался
и смертный лед дождался расколоть...

Господь капут, как Ницше догадался;
всяк сам себе – и дьявол, и господь.

Я честно жив и этим неподсуден,
старательно грызя карандаши
о том, как век мой скуден и паскуден,
но нет обид за пазухой души.

Любить и петь отпущено пока мне –
над буквами заветными сопя,
галерный раб, кажинный день по капле
я вдавливаю Чехова в себя.

* * *

все скучней существую с годами
в ежедневной крутясь кутерьме
с неумелой любовью в гортани
и словарным запасом в уме

невзначай появившись на свете
всем подобным товарищ и кент
как и все по заслуженной смете
заплачу в неурочный момент

если есть и пред богом отвечу
отвести не пытаюсь глаза
за природу свою человечью
и негромкую музыку за

но пока не кердык и не ящик
никуда напрягая мослы
я шуршу одинокий как ящер
по пустынным проулкам москвы

мимолетен под вечной селеной
под чугунным шептатель дождем
вопрошатель зачем во вселенной
я над жизнью трудиться рожден

в этом воздухе малознакомом
чей крепчающий слушая шум
совладать с подступающим комом
бесполезный старается ум

(1) города в Алматинской области.

(2) декабрь и ноябрь (каз.).

Впервые было опубликовано в журнале «Дружба народов»

* * *

Жумагулов Ербол – поэт, эссеист. Родился в 1981 году в г. Алма-Ате. Окончил Казахскую академию спорта и туризма. Стихи публиковал в казахстанских и московских журналах “Знамя”, “Дружба народов”, “Континент” и др., в “Антологии новейшей русской поэзии” (М., 2004) и др. Лауреат конкурса “Казахстанская современная литература” (2000). Автор книг “Стихи. RU” (совм. с Г.Банниковым) и “Ерболдинская осень”. Живет в Алматы.

Постоянный автор журнала “Дружба народов”. Goşgular